Марина Эльденберт
Марина Индиви

Книга 2

Драконий соблазн

18+

Марина Эльденберт

Драконий соблазн. Книга 2. Лучший курсант Адансхейла

«Автор»
2026

Эльденберт М.

Драконий соблазн. Книга 2. Лучший курсант Адансхейла /
М. Эльденберт — «Автор», 2026

Когда-то я считала Базиля Верреса врагом номер один, но сейчас мои чувства сводят меня с ума. Я не могу его любить, но и ненавидеть теперь — тоже. Нас словно связали неведомые силы, понять природу которых не можем ни я, ни он. Но заговорщик, который знает мою тайну, так просто не отступит, точно так же, как и Эдриан. Он одержим мною, и сделает все, чтобы меня найти и снова приковать к себе, на этот раз навсегда. Кажется, меня все-таки ждет война: война с теми, кто хочет превратить меня и моих друзей в марионетку и заодно со своими чувствами.Но, может, мои чувства — это именно то, что может спасти нас всех.Вторая книга серии.

© Эльденберт М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 6
2 11
3 15
4 19
5 22
6 26
7 30
8 33
9 36
10 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Марина Индиви, Марина Эльденберт
Драконий соблазн. Книга 2.
Лучший курсант Адансхейла

Драконий соблазн. Книга 2
Лучший курсант Адансхейла

1

Электра Эджертон

— Как спрятать тело? — поинтересовалась я.

Это были мысли вслух, но идущий впереди Реджи услышал и оглянулся:

— Чье? Ректора?

— Нет, — поморщилась я. — Ректора за что?

— За то, что все отряды будут встречать его величество, а мы будем морозить задницы в лесу, — выплюнул идущий позади меня Мегсверт.

— И передницы, — заржал Реджи.

— Могло быть и хуже, — напомнил рыжий Одман. — Нас могли отправить сюда зимой, а не весной.

— Весна?! — крякнул Мегсверт. — Весна сейчас в Арминбурге, а здесь по-прежнему снег вокруг! Если бы собственными глазами не видел зеленую траву на склонах, когда приехал сюда в прошлом году, решил бы, что здесь вообще не бывает ни лета, ни тепла.

— С теплом здесь все сложно, — снова хохотнул Реджи. — Но хватит ныть, Мег. Давай лучше поможем Роуэллу спрятать гипотетический труп! — Он подмигнул мне, поравнявшись со мной: — Так кого ты хочешь отправить на тот свет, маркизенок?

Я оглянулась на громадину Адансхейла, черные шпили башен которого были видны даже отсюда. Несмотря на то, что уже мы преодолели огромное расстояние и шли по лесу несколько часов, вытаптывая тяжелыми армейскими сапогами тропинку между деревьев.

Когда я приехала сюда, массивное здание военной академии на Севере показалось мне холодным, зловещим и мрачным. Я боялась, что не справлюсь, как-то выдам себя, ведь я была вынуждена изображать мужчину. Но за какие-то месяцы замок Адансхейл стал мне домом, а мой отряд — семьей. У меня словно появились братья, с которыми мы ссорились и мирились, помогали друг другу и подшучивали друг над другом.

Единственное, что отряд по-прежнему не знал мою тайну. Что под мундиром маркиза Роуэлла скрывается не просто другая личность, а леди Эджертон.

Официальная невеста принца Эдриана.

Единственная внучка государственного преступника, едва не погубившего целый род герцогов.

Девушка, которая не захотела становиться пешкой в королевской игре и терять своего друга. Поэтому сбежала сюда, на край света, чтобы спрятаться.

Только я не учла того, что ректор Адансхейла окажется моим старым знакомым драконом и врагом. Или теперь не врагом?

Потому что принц, который наверняка ищет меня по всей стране — ведь его любимая игрушка посмела его ослушаться и сбежать, прибудет в академию со дня на день. А ректор, вместо того, чтобы сдать меня ему на руки, согласился меня спрятать — отправить наш отряд на внезапные учения в полях. В нашем случае, в горах и в лесах.

Что двигало Базилем Верресом? Мое предупреждение о том, что Эдриан придет в бешенство, и тогда полетят головы? Опасение за собственную карьеру? Или совсем невероятное — нежелание отдавать принцу меня?

Но факт оставался фактом: ректор сделал все, чтобы мы с принцем не встретились, и он меня не узнал.

— Никого. По мне так лучше морозить задницы в лесу, чем кланяться его высочеству! — заявила я и, бросив еще один короткий взгляд на академию, яростно зашагала вперед.

В недалеком прошлом я представляла себя студенткой столичной Королевской академии артефакторики, воображала, что буду корпеть над чертежами, звать подружек на чай с булоч-

ками и жаловаться на то, что девушкам недоступен боевой факультет. Даже в самой смелой и невероятной фантазии я не могла представить, что буду тащить на себе армейский рюкзак почти с меня весом и топать на загадочные учения в зимнем лесу. А главное, жалоб на это в моей голове даже не возникало.

Было только мое желание выжить и сохранить свободу. Себе и Кен Джу.

За день мы обогнули гору, и башни Адансхейла окончательно скрылись из вида. А стоило последним лучам солнца скрыться за горизонтом, как Скардгрейв, которого ректор отправил руководить нашим отрядом, приказал нам разбить лагерь. К счастью, для этой цели он выбрал массивную пещеру в горе, защищающую от осадков и ветра. Спать прямо на снегу никому из нас не улыбалось, магистру в том числе. Хотя, казалось, Скардгрейв искренне наслаждался нашим военным походом, даже несколько раз за этот день заявил, что нет ничего лучше, чем тряхнуть стариной и понюхать настоящего пороха. В смысле, испытать настоящие артефакты во время учений.

Курсанты развели огонь, нагрели кипяток, а после ужина (пока еще мы ели запасы из академии, но позже придется готовить все самим) назначили часовых.

Я вызвалась одной из первых. Так надо было для моего плана, который я обдумывала весь день. И столько же в нем сомневалась.

К моей досаде, вторым часовым вызвался мой сосед по комнате. В другой ситуации я бы только обрадовалась Реджи, но сегодня решалась моя судьба. Или, скорее, я хотела решить ее самостоятельно.

Мы с Реджи устроились на валуне у входа в пещеру, пока остальные курсанты, уставшие от прогулки по лесу, расстилали матрасы. А кто-то уже вовсю храпел. Лагерь медленно погружался в сон.

Сегодня выдалась ясная ночь, и на небе сиял тонкий полумесяц растущей луны. Времени лучше для побега не придумаешь.

— Так чье тело мы будем прятать?

— Хейдера, — призналась я. — Я хочу прибить Хейдера.

Потому что я по собственной глупости доверилась не тому человеку. Поведала ему свою тайну, а он решил меня ей шантажировать. Не просто шантажировать. Хейдер хотел сделать меня своим оружием.

Оружием, которое убьет принца Эдриана.

Или не убьет.

И тогда придется отвечать не Хейдеру, а мне, Кен Джу и даже ректору.

— Что он сделал? — нахмурился Пемброк.

— Пока ничего, — поморщилась я.

— А что собирается? — предложил Реджи.

— Ничего хорошего. Не могу рассказать, прости.

— Не извиняйся, маркизенок, я знаю, что Хейдер не прост. Но если он требует от тебя чего-то из ряда вон, просто шли его дракону под хвост.

— Если бы все было так просто.

Если я не появлюсь в Адансхейле в день визита принца и не возьмусь за чертов план Хейдера, он выдаст Эдриану мое имя. А если возьмусь, то отправлюсь на плаху за убийство или попытку его совершить. Вермонт что-то там говорил про то, что меня спрячут, но я больше не верила его словам. Ему было всегда плевать на меня. Важна была только его цель, остальных же можно было пустить в расход.

— Ты всегда можешь рассказать о нем ректору, — напомнил Реджи. — И он точно выгонит его из Адансхейла.

«Не могу», — сжалось мое сердце. Потому что это ни капли не поможет.

— У тебя есть еще какой-то план? — по-своему принял мое молчание Реджи.

Он смотрел на мое лицо, поэтому не заметил, как за его спиной бесшумной тенью возник Кен Джу. Нимаец обхватил рукой горло Пемброка, тот дернулся, но не успел издать ни звука. Кен Джу действовал быстро и осторожно, поэтому через пару секунд Реджи без сознания осел на камень. А мой друг и учитель даже не изменился в лице.

— Время, Лун Джу, — заявил она на нимайском. — Если ты готова, нам нужно делать это сейчас.

Я с болью посмотрела на мирно спящего Реджи, но тут же тряхнула головой и перехватила из его рук свой рюкзак, в который я сложила больше вещей, чем того требовала наша учебная экспедиция.

— Уходим, — кивнула я, и мы быстро покинули лагерь.

Часовой был формальностью, частью военных учений, но меня все равно кольнуло чувством вины за то, что я покидаю Реджи и остальных. Увы, так было нужно, чтобы никто из них не пострадал.

Пока мы с Кен Джу удалялись от теплой пещеры, я не раз и не два мысленно поблагодарила своего мастера за то, что он тренировал меня с самого детства и не давал мне спуска. У меня всегда был стальной стержень вместо характера, упрямство и желание делать не как принято, а как мне хочется. Но в густом ночном лесу на Севере характера было недостаточно: мое тело ныло от дневной прогулки и просило отдыха. Будь я классической арминбургской аристократкой, способной лишь писать натюрморты, музицировать на рояле и вести беседы про погоду, я бы уже давно упала в сугроб.

Кен Джу учил меня различным техникам, правильно дышать, когда холодно или когда испытываешь боль. Я даже помнила, как однажды со смехом заявила, что мне это никогда не потребуется, для тепла у меня есть камин и множество накидок, а терпеть боль я не собираюсь.

Какой же глупой и наивной я тогда была.

Другим человеком.

С тех пор я успела побывать и пленницей, и беглянкой, и маркизом, и курсантом… В общем, сменила столько обличий, что мне самой уже было непонятно, кто я теперь?

«Предательница», — всплыл острый ответ в голове, и на языке загорчило от привкуса этого слова.

Перед внутренним взором возник образ ректора Адансхейла: высокого, широкоплечего дракона с жесткими благородными чертами лица. Базиль Веррес смотрел на меня с чисто мужской снисходительностью короля жизни как на Электру или как на надоедливого проблемного курсанта. Я даже вспомнила его взгляд перед тем, как он меня поцеловал тогда в своем кабинете. Всевышний, это было всего пару дней назад!

Но сейчас, в моих мыслях, на его лице отражались непонимание и самая ужасная из всех эмоций — разочарование.

Потому что он хотел меня спрятать, специально придумал все эти учения, а я, что? Решила сбежать.

Если я не появлюсь в Адансхейле во время визита Эдриана, Хейдер пойдет к нему и расскажет обо мне. Конечно, принц способен оторвать Вермонту голову, и у него проблем, куда деть тело, не возникнет, но затем его величество начнет копать и…

«Нет, — поправила я себя. — Не начнет».

Велика вероятность, что Эдриан лишь посмеется над Хейдером. Никаких доказательств у него все равно нет. Принц, конечно, потребует встречи с Роэуллом, но к тому времени меня, вернее, маркиза, уже объявят дезертиром. Все будут искать маркиза, а леди Электра Эджертон исчезнет в лесах сначала северной Райсваннии и после в Эреготе.

И никто не пострадает.

Мой побег — лучший выход для всех!

— Мы всегда можем вернуться, Лун Джу, — перебил Кен Джу мой внутренний разговор с собой.

— Что? — вскинулась я.

— Вы, жители Запада, не способны скрывать свои эмоции. Твои сомнения написаны у тебя на лице.

— Даже не буду спорить, — проворчала я. — Мне никогда не понять, о чем думаешь ты.

Например, по Кен Джу сложно было понять, устал ли он: мой мастер так бодро шагал по снегу, словно мы с ним не преодолели одинаковый путь, и он только сейчас присоединился ко мне.

— Мои мысли принадлежат только мне, пока меня о них не спросят.

За годы я привыкла к философской манере Кен Джу говорить, его филигранному стилю обходить все острые углы, доносить свою мысль так, чтобы не обидеть. Но сейчас мне, как никогда, захотелось этой западной, дикой для восточных народов прямолинейности.

Я была настолько измотана физически и собственными сомнениями, что сейчас все во мне вспыхнуло от злости.

— Ну давай, скажи, что ты меня предупреждал обо всем этом! Что я в очередной раз не справилась!

Я пнула камень на моем пути, но лишь ушибла ногу.

— Что я просто женщина, которая пошла против своей природы! И лучше бы смирилась и терпела, как миллионы девушек до меня!

Я прикусила губу, потому что готова была разрыдаться.

Я воспользовалась шансом на побег, потому что считала, что спасаю Кен Джу, но кого я спасала на самом деле? Что, если я только подставила его еще больше. Его, герцога, маркиза, свой отряд и… Базиля Верреса.

Если принц поверит Хейдеру, если он расскажет, что ректор Адансхейла в курсе, кто я такая, то Эдриан может прийти в ярость, и устроить Верресам гораздо более серьезные неприятности, чем мой дед. И все из-за меня!

Кен Джу остановился и мягко удержал меня за локоть.

— Ты с меня с кем-то перепутала, Лун Джу, — сказал он, глядя мне в глаза. — Вероятно, с голосом своей души.

— Не думала, что у моей души такой безобразный голос, — всхлипнула я.

— Он не безобразный. Он честный. Разве ты сомневалась, когда соглашалась на сделку с герцогом и бежала из Арминбурга?

— Конечно, сомневалась. Я боялась, что нас поймают!

— Я не об этом, — едва улыбнулся Кен Джу. — Сомневалась ли ты в том, хочешь ты бежать или нет?

— Нет, — ответила я без раздумий. — Я готова была на что угодно, только бы покинуть королевский дворец.

— Даже притвориться мужчиной.

— Даже притвориться лягушкой, — совершенно серьезно подтвердила я. — Хотя настоящий Роуэлл — та еще мерзкая трусливая жаба!

Я вспомнила маркиза, который предпочел сдать меня, только чтобы спасти свою задницу. По большой иронии его задницу должна была спасать я.

— Голос души привел тебя именно туда, куда ты хотела. И он против того, чтобы ты покидала это место.

— Но… это всего лишь военная академия, а управляет ей ректор-деспот.

— Такой уж он деспот?

— Не то слово! И я не собираюсь идти на поводу у Хейдера, пытаться убить принца, и вот это вот все…

— Даже река может найти новый путь, Лун Джу, а дракону подвластно большее — небеса. Дракон и есть путь, помнишь? — Он протянул руку и стер скатившуюся по моей щеке слезинку. — Иногда можно выбрать легкую дорогу, иногда сложную, но самое главное — выбрать свою. Ту, куда стремится твоя душа.

— В Адансхейл, — хрипло призналась я.

— Тогда почему мы идем в обратную сторону? — без тени насмешки поинтересовался Кен Джу.

Потому что туда скоро прибудет Эдриан. Потому что там фанатик Хейдер. Потому что так будет правильно. Еще тысяча таких «потому что», в том числе то, что там Базиль Веррес, который меня поцеловал. И, возможно, захочет поцеловать снова.

А-р-р-р-р!

Но дело вовсе не в поцелуях и их отсутствии. Дело в том, что я не хочу больше бегать. Адансхейл — мой дом, а Базиль Веррес — мой ректор.

— Мы возвращаемся, — заявила я. — Возвращаемся, потому что я не собираюсь никого подставлять. Это против голоса моей души. Не прощу себя, если кто-то пострадает по моей вине.

— Даже гонхору нужна армия, чтобы завоевать соседнее королевство, — выдал очередную мудрую мысль Кен Джу.

— Это ты к чему?

— К тому, что даже драконам не стыдно просить о помощи и принимать ее.

Я не стала никак это комментировать. Я только смирилась с тем, что никуда не убегаю, чтобы размышлять еще и над намеками моего мастера.

Решение словно дало мне силы, и возвращение в пещеру далось мне легче, чем я могла представить. Благодаря тому, что все спали, часовые не сменились, и я обнаружила Реджи на том же месте, где мы его оставили.

Я от души похлопала Пемброка по щекам, и тот подпрыгнул.

— А? Что?

— Ты уснул на посту, Реджи, — хмыкнула я.

— Почему не разбудил? — метнул в меня злой взгляд сосед по комнате.

— И упустить такой шанс тебя подкалывать? Ни за что!

— Ты ужасный человек, маркизенок! А я тебе еще свой компот отдавал!

Я искренне рассмеялась и толкнула парнем локтем в сторону пещеры.

— Пойдем, сменимся и немного поспим.

До рассвета оставалось не так много времени, но Кен Джу оказался прав насчет дороги моей души. Спокойной она не будет, но мне больше не хотелось плакать.

Я наконец-то нашла свой путь.

2

Маневры в лесу были интенсивными, настолько, что я, если честно, не находила времени чтобы поволноваться из-за принятого решения и предстоящего прибытия Эдриана. Мы учились путать и находить следы, работать с артефактами и даже спасать гражданских (наших немногочисленных камердинеров) из ловушек врага. В общем, все шло хорошо, и день, когда я должна была явиться к Хейдеру для убийственной миссии, прошел как самый обычный. Насколько, конечно, может быть обычным день, когда ты сидишь в лесу на ветке и стараешься сделать все, чтобы тебя не нашли. Это было задание на одиночное выживание в тылу врага, и я получила зачет у Скардгрейва, продержавшись до заката.

К счастью, сегодня у нас с Реджи был выходной в плане ночных дежурств, и я рассчитывала отоспаться. Мысль о том, что где-то там в Адансхейле сейчас Эдриан, казалась далекой после насыщенного дня. Как и мой побег, от которого я отказалась.

А вот мысль о поцелуе с ректором почему-то пришла перед сном, как будто ей было самое место в моей голове! Хотя ей точно было там не место: ни ей, ни ему. Но Базиль Веррес отказывался покидать мои размышления, а еще с какой-то радости постоянно возникал перед закрытыми глазами.

То в своем полотенце, каким я его показала всему Адансхейлу. То в форме, то совсем без одежды («повезло» же мне тогда его раздевать, чтобы сохранить свою тайну!). Вот только проблема заключалась в том, что я не могла избавиться от этого наваждения — и что в форме, что без формы он казался мне одинаково привлекательным.

Мне.

Базиль Веррес.

Я что, с ума сошла?

Вроде бы Адансхейл и занятия наоборот дисциплинировали и помогали держать разум в узде, но мой почему-то пошел в разгул и творил совершенно непредсказуемые вещи.

Например, я представляла, чем бы мог продолжиться этот поцелуй, и меня бросало в жар. Не в холод, не в истерику, не в страх, а именно в жар, особенно когда я представляла, как его руки скользят по моим плечам, а после моя богатая фантазия дорисовывала увиденное в библиотеке деда…

Фу, фу, фу!

Какой кошмар! О чем ты вообще думаешь, Электра?

Я перевернулась на другой бок на жестком матрасе и наткнулась взглядом на взгляд Реджи.

— Ты чего кряхтишь, как утка? Живот болит что ли?

— Ага, — обрадовалась предложенному поводу я. — Похлебку мы слегка не доварили вечером.

Реджи вздохнул:

— Ну ты и хилый. Как ты вообще продержался в Адансхейле столько времени? Я думал, Эдриан тебя сюда отправил, чтобы унизить. Но я вот вообще в тебе разобраться не могу. Ты дашь фору многим парням… не мне, разумеется, но…

— Не тебе, — хохотнула я. — Ну конечно. Да я вообще лучший курсант академии, Пемброк!

Реджи приподнял брови:

— А еще ты скромный, Роуэлл!

— Да, это все про меня.

Болтовня с другом, к моему огромному счастью, помогла переключиться, и заснула я на удивление быстро. Без мыслей о том, чем мог бы закончиться наш с Верресом поцелуй со всеми вытекающими.

Но ночью этот невыносимый дракон приснился мне снова!

На этот раз мы почему-то были во дворце и танцевали на балу. Прикосновения Верреса обжигали даже через перчатку и ткань платья, но, вопреки всему, что я о нем знала, сейчас мне не хотелось сбежать. Я просто смотрела в его глаза и впервые за долгое время чувствовала себя… дома. Как будто в его внимательном взгляде сосредоточилась вся суть того, что я домом считала.

Доверие, близость, спокойствие, безопасность, защита, любовь… И это было настолько остро, настолько сильно, что я больше не хотела отпускать его. Ни за что. Никогда.

— Почему ты так смотришь, Электра? — спросил он.

— Потому что не хочу, чтобы ты уходил, — призналась я.

— Я никогда больше не уйду. Никогда тебя не оставлю.

Базиль наклонился, чтобы меня поцеловать, и в этот раз мне не хотелось сбежать от этого поцелуя. Я подалась к нему, чувствуя жар его тела, нежное прикосновение его губ… И проснулась от того, что по губам скользнуло что-то холодное и склизкое.

И от хохота Реджи, удирающего от моего спального места.

Я дернулась и села на месте, глядя на Пемброка, который перебудил весь отряд.

— Лови подснежного слизня, лучший курсант академии! — захохотал он. — Ты так сладко причмокивал во сне, что я не удержался!

— Я тебя убью! — зарычала я, глядя на несчастного слизня, пытающегося заползти в щель камня рядом с местом где спала я.

Парни заржали, я бросилась к Реджи. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не рык Скардгрейва:

— Что вы тут устроили?! Да от вашего хохота противник может перебить вас всех поодиночке!

Мы мигом заткнулись, понимая, чем это грозит. Незачетом. Отработками. Дополнительными пробежками и отжиманиями.

А Скардгрейв рыкнул снова:

— Быстро все собрались, завтракаем и приступаем к маневрам! К нам скоро прилетят его высочество и ректор.

Хейдер меня сдал. Это была первая мысль.

Второй мелькнула мысль, что мне надо срочно отправить куда-нибудь Кен Джу. Я могу пережить все, что для меня придумает Эдриан. Но я никогда не прощу себя, если что-нибудь случится с ним.

Я вылетела из пещеры раньше, чем кто-либо успел понять, что произошло, или успел меня остановить. Кен Джу по утрам медитировал неподалеку, он всегда просыпался рано, и сейчас я надеялась только на то, что успею его отослать.

— Кен Джу! — Я подлетела к застывшему под хлесткими порывами ветра с закрытыми глазами нимайцу. Он выглядел так, как будто сидел на берегу моря, а его обдувал легкий летний ветерок, а не этот колючий ранневесенний ужас. — Кен Джу, Эдриан скоро будет здесь. Ты должен уйти.

Он даже глаза не открыл и не пошевелился. Я знала о его методиках вхождения в транс и возможностях не замечать окружающую его обстановку, но сейчас было вообще не время! Не время от слова совсем сидеть и не видеть того, что происходит. Поэтому я рухнула рядом с ним на колени, схватила за плечи и потрясла.

— Я слышал твое пыхтение еще когда ты сюда бежала, — произнес он, так и не открыв глаза, оставаясь неподвижным.

В другое время я бы возмутилась, что я не пыхтела, но сейчас мне было не до этого.

— Ты меня не слышал? Эдриан направляется сюда! Хейдер нас сдал.

— Я тебя не оставлю, — произнес этот невыносимый нимаец, по-прежнему изображая статую.

— Ты не понимаешь? — От отчаяния мне хотелось кричать. — Ты моя семья! Я не смогу жить, если с тобой что-нибудь случится!

Он открыл глаза так резко, что я замерла под его взглядом.

— В семье не бросают друг друга, — произнес он. — Даже перед лицом опасности. Иди и делай то, что должна.

Делай то, что должна?!

Я вдруг подумала, что убить Эдриана было не такой уж плохой идеей. Эта мысль, по всей видимости, прозвучала в моей голове слишком громко, потому что Кен Джу добавил:

— Я уже говорил тебе, Лун Джу, если действовать методами гонхора, ты станешь ничем не лучше него.

Как будто мне от этого легче.

Что я вообще могла сделать?

— Иди, — повторил Кен Джу, как будто вообще не понимал, что сейчас происходит.

Не хотел понимать? Или у него понималка сломалась?

— Успокой свои мысли, и тогда все станет значительно проще.

Значительно проще?

Я покачала головой, взлетела на ноги и устремилась в лагерь.

— Ты где был, маркизенок? — уточнил Реджи. — Завтрак пропустил же!

Я только отмахнулась: все равно в меня сейчас не влезло бы ни крошки. А если влезло бы, то мигом вылезло бы обратно.

— Последствия вчерашней похлебки? Или это из-за слизня? Ну прости, я просто не удержался.

Я покачала головой, и Реджи перестал допытываться. Спустя десять минут мы уже углубились в лес, но если вчера я чувствовала, что все могу, то сейчас меня снова накрыло сомнениями.

Правильно ли я поступила, вернувшись?

Что будет, когда прибудут Эдриан и ректор?

«Успокой свои мысли, и тогда все станет значительно проще».

Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы это сделать, но проще действительно стало. Во-первых, Эдриану не обязательно было сюда лететь, чтобы меня разоблачить. Во-вторых, если бы он узнал, мы с Кен Джу уже проснулись бы в наручниках. В-третьих, я вдруг почему-то вспомнила сегодняшний сон, и меня затопило совершенно нелогичным чувством безопасности и ощущения, что пока рядом Веррес, он не позволит случиться чему-то непоправимому.

Это чувство было столь же сильным, глубоким и истинным, как и нелогичным. Но оно просто было, и это было странно.

По телу вдруг разлилось странное тепло, и я вообще не могла понять, с чем это связано. Артефакт, сети которого мы с Реджи и Мегсвертом сейчас распутывали в снегу, совершенно точно не мог этому поспособствовать.

Но потом Донован крикнул:

— Летят! — и я невольно обернулась, чтобы увидеть над грядой скал дракона.

Их было двое, но мое внимание как магнитом приковал один-единственный, золотой. Мощный и сильный, выделяющийся на фоне заснеженного дня какой-то уникальной неповторимой притягательностью.

Я замерла, не в силах отвести от него взгляд.

Опомнилась только когда Реджи ткнул меня в бок, что даже через шинель получилось ощутимо. А Веррес и Эдриан пошли на снижение.

3

За день до этого
Базиль Веррес

Сжав челюсти, ректор наблюдал за тем, как Эдриан и драконы из его гвардии снижаются над академией, а затем садятся на плац. Белоснежный дракон опустился на землю первым, а в следующую секунду обернулся в принца, решительно зашагавшего в сторону Базиля.

— Ваше высочество, — отдал честь стоящий рядом Виллинс.

— Как долетели, ваше высочество? — дежурно поинтересовался ректор, лишь коротко кивнув.

Ему никогда не нравился принц, Базиль не разделял его ценности, но ректору вообще мало кто нравился из высшего света. Тем не менее сейчас неприятие переросло в откровенную неприязнь, потому что стало личным.

— Не быстро, — поморщился Эдриан. — Адансхейл — та еще дыра!

— Зато здесь создается ваша армия, — напомнил Базиль.

— Поэтому я здесь, а не где-то еще!

Еще недавно ректор хотел убрать Электру Эджертон из Адансхейла. Расчет был такой: если она будет далеко, он перестанет думать о ней. Но Базиль ошибался. Казалось, чем дальше она от него, тем сильнее к ней тянет. Словно как к какому-то мощному магнитному артефакту.

Электра не просто снилась ему, ректор будто ощущал ее присутствие наяву. Ее аромат напоминал ему о цветущих гиацинтах, легкий, свежий, слегка сладковатый. Как ее губы. Казалось, сладость ее поцелуя отпечаталась на его губах навечно, и стоило лишь закрыть глаза, как Базиль мысленно возвращался в момент, когда ненавистная Эджертон ему ответила. Словно тоже не могла устоять перед этим притяжением.

Словно на нее действовал тот же артефакт, что и на него.

Вы не первый, кого я целую, поэтому у меня просто есть опыт. Давно не целовалась, и вот результат.

Вот поэтому у ректора не получалось относиться к принцу с привычным равнодушием. Стоило ему представить, кто именно украл первый поцелуй Электры, как зверь внутри него начинал утробно рычать и ворочаться, требуя расправы над тем, кто покусился на его драгоценность.

Их обоих, и Базиля, и дракона, больше всего на свете интересовало, как далеко принц зашел в своем стремлении присвоить драконессу. Что между ними произошло на самом деле, и почему Электра при одном упоминании Эдриана готова была на все, лишь бы больше никогда не встречаться с принцем.

— Как самочувствие его величества? — спросил Базиль, скрывая истинный интерес за светской беседой. — Ее величества?

— В добром здравии, — бросил Эдриан так, словно его родительское здоровье совершенно не устраивало. Даже мешало на пути к трону и безусловной власти в Райсвании.

— А как ваша невеста? Наверное, вовсю готовится к свадьбе?

Ректор пристально следил за принцем и сразу же заметил, как исказились аристократичные черты, когда он упомянул Электру. Эдриан так сильно сжал челюсти, что на его лице заиграли желваки.

— Готовится, — коротко выплюнул он.

— С вашей стороны было очень великодушно не расторгать подобный союз, несмотря на прегрешения… ее родственника.

— Я знаю, что ты ненавидишь Эджертонов, Веррес, — хмыкнул Эдриан. — Есть за что. Но моя Электра не была замешана в делишках своего деда. К тому же, она смазливая малышка и единственная наследница герцогства, что в нынешней ситуации только мне на руку. Армию мало создать, ее потом нужно на что-то еще и содержать.

Моя Электра.

Смазливая малышка.

Базиль сжал зубы и кулаки, потому что больше всего на свете хотел разукрасить лицо его высочество кровавыми потеками.

Электра не была ни смазливой, ни тем более… малышкой. Она была прекрасной, утонченной, женственной и невероятно горячей драконессой. В ней был стержень, выдержка, бесстрашие.

Она была… совершенной.

Но для Эдриана она была еще одним средством, средством достижения его целей и удовлетворения похоти. Этот мерзавец наверняка ждет не дождется брачной ночи!

Стоило представить Электру в объятиях принца, как мир перед глазами окрасился в красный.

«Не дождется», — про себя решил Базиль. Для него даже речи не шло о том, чтобы вручить Электру в руки принца. Он и раньше не думал об этом, но теперь вообще все поменялось.

Хочет она того или нет, а она теперь его, Базиля.

— Ни слова больше про Арминбург и мою семейку! — приказал Эдриан, сверкнув глазами. — Лучше покажи мне, в чем мы преуспели за эти несколько месяцев!

Предложение было хорошим по меньшей мере потому, что ректор переключился с личных мыслей на рабочий процесс и перестал представлять, залитое кровью лицо принца.

Найти Электру Эдриану все равно не грозило: Роуэлл и его отряд сейчас находились под защитой горного хребта. Уже одно то, что его сокровище в безопасности, утихомиривало дракона внутри ректора.

День прошел по плану: его высочество посмотрел на построения, увидел прогресс курсантов, послушал отчеты магистров и напомнил всем, что армия нужна ему уже к концу года.

— К концу года? — нахмурился Базиль. — Разве что старшие курсы.

— Мне нужна готовность всех курсантов Адансхейла к зиме, — с нажимом произнес Эдриан. — Вложенные в академию средства обязаны окупиться как можно скорее.

— Разве королевская казна бедствует? — поинтересовался Базиль, а принц бросил на него раздраженный взгляд.

— Денег и власти никогда не бывает много, мой друг.

Ректор поморщился от этого обращения. Он для Эдриана был кем угодно, только не другом. Но новость про казну наводила на интересные мысли: например, на то, как государственными финансами распоряжается его величество, и какой к ней доступ у принца.

— В целом я доволен, — сообщил ему Эдриан, когда они шли по коридору академии, возвращаясь с полигона. — Хотя мне и не хватает какого-то размаха.

— Мы не Арминбурге, — напомнил ректор. — И учим военном делу, а не к свадебному сезону готовимся.

— Столичные свахи с тобой бы не согласились, — рассмеялся принц. — Для них балы — поле боя. Но ты подумай, Веррес, чем в следующий раз меня удивить.

— Я могу удивить вас лишь первоклассной подготовкой офицеров и солдат, ваше высочество, — коротко кивнул он. — Доброй ночи.

Эдриан должен был провести ночь в Адансхейле, а утром его покинуть. Ничто не предвещало беды, и всю ночь Базилю снились те самые балы. Но на этот раз рядом с ним была Электра: они кружились в танце. Правда, стоило ему попытаться ее поцеловать, как его разбудил яростный стук в дверь.

— Его высочество требует вас к себе, господин ректор! — сообщил Корри, а Базиль выругался. Потому что за окном было еще темно, и расчет на то, что принц проспит до полудня, оказался ложным.

— Скажи ему, что я буду через полчаса.

Еще он не бегал перед этим позером, который собирается играть в войну.

Но в мысли все равно прокралось противное чувство грозящей засады. Ведь вчера все было хорошо, а сегодня принц требует его немедленного присутствия.

Странно.

Если, конечно, он не узнал про Электру.

Холодок пробежал по спине от одного только этого предположения.

Но откуда? Ведь по ее же словам, никому в Адансхейле неизвестно о маскараде маркиза.

«А она всегда была абсолютно честной с тобой?» — поинтересовался внутренний голос.

— Вернется с учений, выпорю! — прорычал Базиль себе под нос, направляясь на встречу с принцем.

Который, как оказалось, гулял во внутреннем дворе академии.

— Вам не понравилась спальня, ваше высочество? — поинтересовался ректор. — Плохо спалось?

— Спальня как спальня, — отмахнулся Эдриан. — Просто с утра одна говорливая птичка мне напела, что, оказывается, мне рано улетать. Есть еще то, что я не увидел!

Базиль напрягся, но все равно спросил:

— Что именно?

— Масштаб, Веррес, — хлопнул он ректора по плечу. — Ты почему не рассказал мне про учения, на которые отправил курсантов?

Вопрос в другом: *кто*, а главное *зачем* рассказал об этом принцу?

— Это не масштаб, ваше высочество. Это всего лишь имитация настоящих военных действий в горах с применением боевых артефактов.

— Звучит интересно и свежо. Я хочу посмотреть на эту имитацию.

— Звучит интереснее, чем выглядит на самом деле. Это далеко от академии.

— К счастью, у меня есть крылья, — рассмеялся принц.

— Кстати, о птичках. У этой чайки есть имя?

— Конечно. Вермонт Хейдер.

Хейдер.

Тот самый, которого защищала Электра. И который не защитил Роуэлла, хотя Базиль предоставил парню такую возможность.

Совпадение? Вряд ли.

Что он знает? А впрочем, зачем гадать, если можно поинтересоваться у самого мальчишки. Но это потом.

— Давайте для начала позавтракаем, ваше высочество, а затем вместе слетаем в лагерь. Если отправимся сейчас, найдем лишь спящих курсантов.

— Разве не в этом смысл? — поморщился Эдриан. — Эффект неожиданности? Нападение врага?

— Разве вы им враг? А не тот, кто хочет вести парней за собой?

— Я присоединюсь к вам через несколько минут. Дела.

Эдриан снова скривился, но кивнул. А Базиль отыскал секретаря и передал экстренное послание с конкретными инструкциями для Скардгрейва. К счастью, артефакты связи работали исправно, и с этим проблем возникнуть не должно.

В лагере должны знать о визите принца.

Электра должна знать и подготовиться.

А он сам сделает все, чтобы Эдриан ее не нашел. Не нашел, не узнал.

Что достаточно сложно, учитывая, что принц знает ее аромат.

Чертов Хейдер!

Но сейчас Базилю было не до зарвавшегося курсанта, ему нужно было как-то помешать встречи Эдриана с Электрой. Если ее маскировка раскроется… Нет, этого не будет!

Ректор широким шагом направился в свой кабинет, а затем, забрав из верхнего ящика стола небольшой пузырек, он присоединился к принцу за завтраком.

План был так себе, придуманный на коленке, но другого у него не было.

— Что это такое? — поинтересовался Эдриан, заметив, как Базиль щедро плеснул себе из пузырька в чай.

— Витамины, — усмехнулся Базиль. — Здесь на Севере, мало солнца, поэтому принимаю их каждое утро по рекомендации целителя. Отличная штука для дракона: крепко сплю, легко просыпаюсь, женщин не разочаровываю и проще отношусь к ошибкам курсантов — меньше раздражаюсь.

Он позволил себе усмехнуться и скрыл настоящую победную улыбку, когда принц подвинул к нему свою чашку:

— Плесни и мне тоже. Проблем со сном у меня нет, а вот раздражение копится постоянно.

На самом деле средство Базиль прописал себе сам, когда в Адансхейле появилась Электра, и он пытался бороться со своим наваждением. Это была списанная микстура от кашля, столько же бесполезная, сколь и безвредная, но с интересным эффектом — она совершенно отшибала драконий нюх.

Базиль использовал средство, чтобы не сходить с ума от аромата Эджертон и действительно нормально спать.

Оно работало, но ни черта не помогало, потому что ему все равно мерещился тонкий запах глициний, а постоянно ходить с заложенным носом ему не улыбалось.

Тянуть дальше он не мог, поэтому после завтрака они с принцем вылетели из академии. Базиль не сомневался, что Скардгрейв выполнит его инструкции.

Главное, чтобы их в точности выполнила Электра.

4

Электра Эджертон

Драконы сели на плато, неподалеку от которого у нас был как раз разбит лагерь в пещерах, и мое сердце сошло с ума. Буквально. У меня как будто случилось раздвоение личности, одна из которых умоляла бежать туда, а другая — как можно дальше. Потому что… потому что.

— Роуэлл, — зашипел Мегсверт, когда я врезалась в него. — Не хочу тебя напрягать, но у нас тут куча артефактов-ловушек. И я хочу сегодня получить зачет. Поэтому смотри как минимум под ноги, а как максимум…

— А как максимум повсюду, — подтвердил Реджи. — Не хочу обосраться перед его высочеством.

— Поверь мне, его высочество только обрадуется, если ты обосрешься, — буркнула я.

— С чего бы?

— Потому что такие как он очень любят возвышаться за чужой счет.

— По-моему, кто-то затаил личную обиду, — хохотнул Мегс, но заслужил тяжелый взгляд от командира отряда и заткнулся.

Я же вгляделась в туман, надвигающийся с вершин, искренне надеясь, что мои разум, мысли и тело наконец-то найдут общий язык и перестанут разрывать меня на части.

Да что со мной происходит вообще?

Напряжение и эмоциональный шторм внутри были такие, что я слышала только биение собственного сердца, а желудок то и дело переворачивался вверх дном. Возможно, поэтому я упустила момент, когда поисковый артефакт в моей руке слегка нагрелся, и Реджи сделал шаг вперед. В ветвях раздался треск. Я увидела вспышку и рывком дернула командира в сторону.

Мегс успел активировать защитную сферу, поэтому ослепнуть на сутки нам не грозило.

— Твою мать, Роуэлл! Ты куда смотрел?

— Я…

— Вонючая струя! Дай сюда. — Пемброк зло дернул у меня из рук «следилку». — Донован. Давай ты вперед.

Надо было сразу так сделать. И вообще все было логично, но глаза почему-то защипало. Я отвернулась и пошла в другую сторону.

— Ты совсем того?! — зарычал мне в спину командир. — Хочешь, чтобы я тебя дезертиром объявил?

Я остановилась. Эмоциональный коктейль внутри нагрелся настолько, что готов был вот-вот взорваться фонтаном.

— Топай, — угрожающе предупредил Реджи. — По моим следам, и не вздумай испортить нам маневры. Это, между прочим, практический зачет за весь курс!

Я проглотила обидные слова о том, что вообще-то никто не спросил меня, как я себя чувствую.

Вообще-то, никто и не должен был. Или должен?

Моя разбалансировка достигла пика, как будто у меня внутри тоже был артефакт, и кто-то развлекался тем, что подкручивал его шкалу на максимум, потом на минимум, а потом подкидывал в воздух.

Я не понимала, что со мной происходит: все это время мне удавалось держать себя в руках. Визит Эдриана — это, конечно, стресс, но я привыкла к стрессам и к тяжелым физическим упражнениям, к сложным заданиям.

Так почему меня сейчас раскатало, как улитку под колесами экипажа?

Так, Электра, нужно срочно успокаиваться и брать себя в руки.

Эдриана здесь нет, вряд ли он полезет в лес, не королевское это дело. Скорее всего, важно постоит на плато рядом со Скардгрейвом и ректором и послушает отчеты про учения.

При мысли о ректоре внутри словно натянулась невидимая струна, которая как магнитом дернула меня… куда-то влево.

Мы прошли еще какую-то часть пути, обезвредили парочку «вражеских» артефактов, когда Мегсверт наступил на обманку и дернулся в сторону с протоптанной тропки, зацепив меня. Обманками называли обманные артефакты, которые разбрасывали там и тут, сами по себе они никакого вреда не несли, но паника при неосторожном движении могла плохо закончиться.

— Да вы издеваетесь! — снова зарычал Реджи. — Держать строй!

— Я держу, — отдышавшись, выдал Мегсверт.

— Ага!

— А вы погромче орите, — сорвался с моих губ язвительный шепот. — Вас еще не весь лес услышал.

Пемброк повернулся ко мне с абсолютно убийственным выражением лица.

— Я сказал: идти точно по моим следам, Роуэлл! И молчать.

— И не дышать еще, может?! — Я сделала шаг в снег и в сторону.

— Роуэлл… — угрожающе начал Пемброк, и в этот момент раздалось глухое «бум».

Я поняла, что это, уже в полете. В смысле, когда меня отбросило в сторону с ощущением, что я упала на дно океана. Оглушающий артефакт. Повезло, что здесь еще повсюду был снег, иначе бы я знатно расквасила себе нос и лицо, а так просто прилетела как в мягкую холодную подушку.

— Стоять! — крикнул Реджи. — Никому не с места. Их здесь могут быть десятки.

— Роуэлл, — раздался сквозь «вату в ушах» голос, от которого я похолодела, — толку от тебя, что здесь, что в Арминбурге, ноль.

Я не могла пошевелиться: не от ужаса, от оглушившего меня артефакта, мне кажется, если бы я была способна двигаться, я бы вскочила и бежала на край света, в Эрегот, куда угодно, только чтобы он никогда больше ко мне не подошел. Но я не могла, и ужас охвативший меня даже сквозь действие магии, вонзился мне в сердце, как ледяной нарост.

— Ваше высочество, ни шагу больше.

Никогда бы не подумала, что буду рада слышать *этот* голос. Ректор, он же Базиль Веррес, произнес:

— Командир отряда прав, здесь могут быть и глушилки, и обманки.

Тем не менее я услышала хруст снега.

— То есть у тебя к ним иммунитет, Веррес?

— У меня есть опыт прохождения полосы препятствий на полигоне и обучения на таких же маневрах. Я лично проверяю все, через что потом проходят курсанты.

Мне кажется, все мои чувства притупились настолько, насколько это возможно — просто чтобы я не сошла с ума, а может, это магия оглушения наконец-то погрузила меня в состояние, близкое к трансу. Тем не менее я все равно почувствовала близость Верреса, его огненно-резкий аромат, аромат дракона.

Особенно когда он наклонился и произнес:

— У парня контузия и магический шок, мне придется срочно забрать его к целителю.

Я оказалась у него на руках в его объятиях как-то на удивление быстро, понимая, что скрыта от Эдриана и остальных широкой ректорской спиной и воротом шинели, который закрыл мне пол-лица.

— Пришли моих сопровождающих сюда, — произнес принц. — Мы выдвинемся в Арминбург немедля.

Мне показалось, или ректор вздохнул с облегчением?

Да нет, точно показалось, ему-то с чего облегчаться. В смысле…

Мысль ушла, когда я почувствовала оборот. Ректор становился драконом, по-прежнему удерживая меня в руках, это было такое чувство, как будто я рухнула со скалы, а после воспарила к небесам.

Но я и правда воспарила. Вместе с ректором, в магическом коконе, который плотные магические нити удерживали на уровне его сердца. Я слышала эти глухие сильные удары так, как если бы это сердце билось во мне.

Это было так непривычно… но так невыносимо тепло. Жарко, горячо, спокойно, радостно, возбуждающе… меня снова накрыло калейдоскопом чувств, которые затопили все мое существо. Это было сложно описать словами, поэтому я даже не пыталась.

Не пыталась понять, что это значит, не пыталась сопротивляться, и как только я перестала этому сопротивляться, меня перестало раздирать на части. Я как будто снова оказалась дома, в кругу семьи и друзей, хотя это чувство все же несколько отличалось и было усилено десятикратно.

Ты в безопасности. Тебе ничего не грозит.

Я совершенно обалдела, когда услышала голос ректора в своей голове. Хотя бы потому, что такое возможно… только с истинными. Но драконы не встречали истинных уже более пятисот лет (по крайней мере, так было до Айрис и Верта), и если бы мы с Верресом были истинными, мы бы почувствовали это сразу.

В Арминбурге, во время первой встречи.

Дракон приземлился на одну из стен замка, и я снова оказалась в объятиях Верреса-двуногого. Но это ощущалось в точности так же, как и полет с драконом.

Сильные, ровные шаги, он нес меня коридорами, которые мелькали перед моими глазами какими-то урывками: кажется, я все-таки начала проваливаться в темноту.

Потом я услышала:

— Да, ничего опасного, просто задело по касательной. Действие глушилки полностью сойдет на нет через пару часов.

На этом мое сознание опять выключилось, а в себя я пришла, что удивительно, все еще в руках ректора. На диване в его кабинете, полулежа в его объятиях, и этот… я не знаю, как еще сказать, ректор, меня нюхал! Он делал это с таким упоением, как если бы я была цветочком, а он — шмелем, который летел ради этого цветочка через весь лес на поле.

К счастью, на этот раз сознание у меня включилось на полную силу, и я уперлась ладонями ему в грудь.

— Вы что делаете?! — рыкнула я, пытаясь отстраниться.

Получалось плохо, потому что дракон свою добычу отпускать не собирался.

— Наслаждаюсь вашим ароматом, леди Эджертон, — сообщили мне. — Наконец-то!

Я заморгала.

Он что, пьян? Не в себе? Или считает, что со мной можно вести себя так, как с… с…

Последнее почему-то ужалило опасно больно, и я не выдержала количества свалившихся на меня событий и позорно разревелась.

5

Я всегда считала себя сильной женщиной. А сильные женщины не падают в обморок, не дрожат от пережитого ужаса, не жалеют себя и тем более не ревут. Но все это случилось со мной за… Я даже не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я оказалась здесь, в объятиях ректора!

Который, кстати, перестал меня нюхать и даже слегка отстранился, правда, все равно не отпустил.

— М-м, Электра? У тебя что-то болит? — Даже сквозь мокрые ресницы и слезы я рассмотрела беспокойство на лице Верреса.

Рыдания продолжали вырываться из меня всхлипами, поэтому я яростно замотала головой.

А после произошло невозможное и совершенно необъяснимое — ректор вновь притянул меня к себе и заключил в свои объятия. Но не как одну из своих любовниц. А без подтекста. Он принялся легонько поглаживать меня по голове и спине, успокаивая и утешая.

Вот только я зарыдала от этого сильнее прежнего, потому что за всю мою жизнь никто так ко мне не прикасался. Возможно, родители в далеком-далеком детстве, и то не факт — в аристократическим семьях, а тем более нашей, были не приняты слюнявые нежности. Все одобрение или симпатия выражались у нас словами, не прикосновениями. Теперь я понимала почему: любил ли меня кто-то из них? Кто-то, кроме Кен Джу? А в последний год принц превратил любую близость в нечто-то извращенное и отвратительное… Единственные теплые и искренние объятия, которые я помнила, были в коротком отрезке времени моей дружбы с девочками, Айрис и Стеллой.

Вспомнив про подруг и ощущая теплое касание пальцев Верреса через тонкую ткань рубашки, я заплакала еще сильнее. Так, что образ ректора окончательно расплылся перед глазами.

Впрочем, надолго меня не хватило, в какой-то момент во мне просто закончились слезы. Я подняла голову, со стыдом осознав, что умудрилась намочить ими рубашку Базиля, и теперь через мокрую ткань видно перекатывающиеся под кожей сильные упругие бугры мышцы. Я уже видела его полностью обнаженным и почти обнаженным, но почему-то вид этих бугров сейчас заставил мои щеки загореться.

— Эдриан… — выдохнула я, вскидывая взгляд, а ректор напрягся.

— Я — Базиль, — напомнил он хмуро.

— Я знаю, кто вы, — вспыхнула я еще сильнее. — Где Эдриан?

— Очевидно, на пути в Арминбург.

— Он… улетел?

— Как и собирался.

— Он…

— Не знает твою тайну, Электра.

Я это понимала, иначе бы сейчас не валялась на ректоре в его кабинете, но мне жизненно важно было это услышать.

— Всевышний, — выдохнула я снова и встретилась взглядом с глазами Базиля. — Я не знаю, как вас благодарить.

Сказала это и тут же прикусила язык, потому что репутация Верреса бежала впереди него. Повеса, бабник, сердцеед. Что он мог попросить у меня взамен? Особенно после того, как только что упоенно вдыхал мой аромат.

Он, наверняка, попросит меня расплатиться собой! Чем же еще?

Эта мысль заставила мое сердце забиться с удвоенной силой.

Но непредсказуемый ректор меня удивил:

— Для начала хватит и простого «спасибо», — сказал он.

— Спасибо, — поспешила я отделаться малой кровью. — А теперь отпустите меня!

Базиль с видимой неохотой разжал руки, а я подскочила с дивана. Чтобы в следующую секунду покачнуться и снова свалиться на него.

— Вас тянет ко мне, как к магниту, леди Эджертон, — усмехнулся ректор, когда я рассерженно зашипела, упираясь ладонями в будто каменную мужскую грудь.

— Угу, как шмеля на цветочный луг, — прорычала я, припоминая собственную ассоциацию. Впрочем, в моем прежнем представлении все было с точностью до наоборот.

Базиль рассмеялся, и его грудной смех отозвался вибрацией в моем теле.

— Интересная метафора, — признался он. — Учитывая, что шмели принимают активное участие в опылении цветов.

— Мне совершенно не нравится ход ваших мыслей, господин ректор, — посмотрела я на него мрачно и снова поднялась. На этот раз осторожнее, и, о чудо, устояла на ногах. — И вообще, мне пора.

— Куда? — выражение лица Базиля из дразнящего мигом превратилось в суровое.

— В свою комнату, куда же еще, — пожала я плечами.

— Ты в нее не вернешься. Будешь теперь жить со мной.

Базиль Веррес

Ректор не знал, кто в нем сейчас говорит больше: дракон, для которого его сокровище всегда должно быть под присмотром, или мужчина, который яростно сжимал челюсти, когда представлял, что занимающая все его мысли женщина будет продолжать делить комнату с другим курсантом, носить обтягивающие брюки и оставаться в окружении молодых парней.

Все, хватит. Хватит бегать от этого влечения и мысли, что он хочет быть с ней и только с ней. Что он даже думать не может ни о ком другом. Естественно, она должна быть рядом!

У Электры на этот счет явно были другие мысли, потому что она сжала кулаки и посмотрела на него так, словно у него выросла еще парочка добавочных голов.

— Что значит — буду жить с вами? Спать на диване в вашем кабинете? Или сразу в вашей постели?

— Заметь, это предложил не я, — хищно улыбнулся Базиль, поднимаясь с дивана.

Очень хотелось перехватить ее за руку и снова привлечь к себе: ему совсем не понравилось, когда драконесса плакала, но то, как она трогательно прижималась к его груди и неосознанно искала защиты, еще больше заставило его увериться в собственных намерениях.

Электра приоткрыла рот, а потом вскипела от возмущения:

— Вы о чем-то другом думаете?

— В последнее время мне приходится делать это за двоих.

— Это на что вы намекаете?

— На то, что ты чуть себя не выдала, — напомнил ректор. — Я передал тебе четкие инструкции, а ты все сделала наоборот.

— Какие инструкции? — заморгала Электра. — Не было никаких инструкций. Нам просто сообщили, что прилетит его высочество.

Базиль внимательно изучил ее лицо и понял, что девушка не лжет.

— Ладно, с этим разберусь позже, — кивнул он. — Но это не отменяет того, что тебе лучше находиться под моим присмотром.

Электра зло рассмеялась:

— И как вы объясните это всем в Адансхейле? Все в академии считают, что вы не любите Роуэлла! Всевышний, мне показалось, или вы несли меня на руках по коридорам?

— Конечно, я нес тебя на руках, — раздраженно подтвердил Базиль. — Тебя контузило, ты не могла двигаться, я должен был тащить тебя за ногу?

Эджертон яростно закивала:

— Именно так вы и должны были поступить с одним из своих курсантов.

— Но ты не один из моих курсантов, — напомнил ректор. — Ты внучка герцога, леди, девица, в конце концов. Тебе не место среди мужчин.

— Никто не знает, что я леди, в этом смысл! — зарычала на него Электра. — Это называется маскировка, и она работает.

— Я знаю, кто ты, этого достаточно.

Девушка сверкнула глазами. Слезы, кажется, сделали ее только еще более привлекательнее и беззащитнее. Но сейчас они высохли, тем более Базиль как никто другой знал, что у этого цветочка шипы словно кинжалы.

— Если в вас есть хоть капелька сострадания, благоразумия, здравого смысла, в конце концов, вы просто закроете на все глаза и сохраните мою тайну. Я просто закончу Адансхейл, а потом исчезну из вашей жизни навсегда.

Дракон внутри ректора утробно зарычал, несогласный с таким предложением. Он хотел присвоить свою драгоценность, а не чтобы она куда-то исчезала.

— Ты его не закончишь, — отрезал он. — Принц желает армию из курсантов к концу календарного года. Что ты будешь делать дальше, Электра? Отправишься воевать?

— Значит, это правда, — пробормотала она. — Эдриан хочет развязать войну? — И тут же тряхнула головой. — Что-нибудь придумаю. Если надо, воевать отправлюсь. Как видите, господин ректор, у меня это неплохо получается!

Базиль скрипнул зубами.

Невозможная женщина! Невозможная и, кажется, от этого еще более желанная.

Пока он боролся между желанием ее отшлепать за своеволие и легкомыслие и зацеловать, Эджертон огляделась:

— Где мой китель?

Обнаружив вещь на спинке кресла, девушка быстро натянула ее на себя, мигом отрезав от Базиля все изгибы своего тела, которые просвечивались сквозь тонкое полотно рубашки.

— Я возвращаюсь к себе, — объявила она и шагнула к выходу, но ректор тут же встал у нее на пути.

Все, игры закончились.

— Ты ничего не перепутала, драгоценная моя? — практически промурлыкал он, скользнув взглядом по лицу Электры. — Я — ректор Адансхейла.

К ее щекам мигом прилила кровь.

— Не называйте меня так!

— Я уже понял, что тебе больше нравится «курсант Роуэлл», — Базиль сменил тон на сухой ректорский. — Только сути это не меняет. Главный здесь я. И я приказываю тебе жить у меня под боком.

Электра выпрямила плечи и посмотрела на него с вызовом. Как же этот вызов выводил его из себя раньше! Хотя, почему раньше? Она по-прежнему выводит его своей дерзостью!

— Я буду жить у себя в комнате, — сообщила Эджертон. — Как и положено курсанту.

— Хорошо. Тогда мне придется отчислить Пемброка, чтобы ты могла жить одна.

Девушка побледнела.

— Ты не посмеешь!

— Я здесь главный, забыла? Выбирайте, леди. Либо вы у ректора на побегушках, либо ваш дорогой Реджинальд вернется домой.

Электра выругалась так, что у любого джентльмена из высшего света завяли бы уши, и выпалив:

— Я думала, что вы другой. А вы такой же мерзавец! — традиционно скрылась за дверью.

Базиль сделал глубокий вдох, а затем с шумом выдохнул.

Мерзавец или не мерзавец, но он сделает все, чтобы она перестала игнорировать притяжение между ними. Или хотя бы признала, что оно есть.

6

Электра Эджертон

— Ты в нее не вернешься! Будешь теперь жить со мной! — передразнила я Верреса и от души влепила в подушку кулак.

Вообще-то я ее взбивала: как выяснилось, на утренние построения мне сегодня можно не идти (после вчерашней контузии у меня было освобождение), а Реджи вообще возвращался с маневров после обеда, поэтому в комнате я была одна.

— Ты ничего не перепутала, драгоценная моя? Я — ректор Адансхейла! — На этих передразнивающих словах и очередном ударе подушка не выдержала, лопнула и рассыпалась перьями, а я выругалась.

Совсем неподобающе леди.

Ладно, я уже не леди, и давно, так что мне можно. Но слова Верреса были только половиной беды, второй половиной была беда под названием «мои собственные чувства». С какой-то радости я реагировала на Верреса совершенно не так, как должна! То есть вместо желания его придушить у меня возникало желание оставаться в его объятиях как можно дольше.

— Всевышний, что я тебе сделала?! — задала риторический вопрос я.

Ответа, разумеется, не ждала. И поговорить не с кем: Кен Джу вернется с учений вместе со всеми, это меня вчера дракон унес.

Дракон! Унес!

А до этого Веррес-двуногий на руках таскал.

Я даже не хочу думать, что Роуэлла ждет после такого!

Р-р-р-р!

Не говоря уже о том, что Веррес вздумал учудить дальше: как он представляет живущего рядом с ним Роуэлла? В качестве кого?!

«Личного адъютанта», — подсказала фантазия.

— Ага. Конечно.

К счастью, когда ты одна в комнате, можно и вслух говорить. И вообще можно что угодно делать, никто тебе ничего не скажет. Я уже забыла, если честно, каково это, когда ты сама себе принадлежишь. Вот только в случае с предложением Верреса такое даже не светит, это я наивно подумала, что ему хватит простого спасибо.

И думала так целых десять секунд.

Или минуту.

До того, как он выдал то, что выдал!

Как же я его ненавижу!

Выдохнув, я привела себя в порядок, переоделась и направилась в библиотеку. Мне жизненно необходимо было ее посетить, чтобы убедиться в том, что дракон по имени Базиль Веррес в моей жизни — просто очередная крупная неприятность, а не катастрофа.

Потому что то, что произошло между нами вчера…

Мне кажется, даже если бы ему удалось меня соблазнить, я бы меньше переживала. Поэтому сейчас и ускорила шаг, и в библиотеку влетела на всех парах. Чем немало удивила сухонького седовласого библиотекаря, которого даже не было видно из-за стойки. Точнее, я бы его и не увидела, если бы он не поднялся на мои шаги.

— Курсант? — изумился старичок. — Вы разве не должны быть на завтраке?

— Завтрак подождет, — отмахнулась я. — Мне срочно нужна вся литература, что у вас есть, касаемо истинности.

Густые брови библиотекаря приподнялись:

— Зачем вам? — Он вперил взгляд в мою нашивку. — Вы же человек.

— Мне задали написать работу по истинности в качестве отработки, — нашлась я. — Вот, даже вместо завтрака приходится заниматься.

Библиотекарь сочувственно покачал головой, похоже, безоговорочно поверив в мое вранье. Но мне сейчас совершенно не было стыдно: мне нужно было понять, что то, что было вчера — не истинность! Это же не может быть истинность. Ну просто не может.

Тем более, что… ну какая вероятность, что Айрис — истинная Верта, а я — Базиля? Это же просто какая-то фантастика. Пятьсот лет ни одной истинной, а тут сразу две, и все в семье Верресов.

Это им награда за страдания из-за проклятия.

С губ сначала сорвался нервный смешок, а потом стало не до смеха, когда я вспомнила, кто это проклятие организовал. Как-то в последние дни я об этом почти не думала, не до того было, но сейчас поняла, что поступок деда с каждым днем представляется мне все более мерзким.

Казалось, куда уж больше.

И, если уж так говорить, в случае Базиля это не награда, а наказание. Он же меня тоже терпеть не может!

Библиотекарь захлопнул каталог, вернув меня из собственных мыслей в реальность.

— Пойдемте со мной, курсант…

— Роуэлл, — подсказала я.

Тот кивнул, и мы углубились в ряды между полками. Учитывая, что в такую рань желающих позаниматься в библиотеке (кроме меня) не было, библиотекарь не особенно торопился.

— Как вы сами понимаете, большая часть наших книг по военному делу, артефакторике, стратегии и боевой магии. Еще есть по боевым искусствам, — разглагольствовал он. — Про истинность найдется информация разве что в одной книге, так что тот, кто назначил вам такую отработку, очень вас не любит.

Угу. Он меня не просто не любит, он меня ненавидит.

У нас это с ним абсолютно взаимно!

— Во-от здесь, — библиотекарь указал на высокую лестницу, — четвертый ярус. Шестая секция. Книга называется «Исторические особенности поведения драконов».

Я потерла виски, но сцепила зубы и полезла наверх, под самый потолок. Мимо меня проплыл магический светлячок, а второй подлетел ко мне, эти штуки были нацелены на то, чтобы помогать курсантам и работникам в библиотеке в темное время суток.

Книжонка была тонюсенькая и потрепанная, видавшая виды. Не знаю, откуда ее достали, но я вцепилась в нее, как в спасительное бревно в бушующих волнах.

— Ближайшие столы там, — указал библиотекарь направо. — Как закончите, книгу верните на место.

— Хорошо.

Мы разошлись в разные стороны, он — к центральному залу библиотеки, я — к столам, за которым мне предстояло работать. Усевшись за первый попавшийся, я раскрыла книгу на оглавлении, и магический светлячок завис прямо над ней. Но я не успела даже найти нужную мне главу, потому что на плечо мне всей тяжестью легла рука, а затем прозвучал голос Хейдера:

— Ку-ку, Роуэлл.

В отличие от мыслей про деда, Хейдер регулярно появлялся в моих не самых приятных прогнозах развития событий во время визита Эдриана. В целом, он меня уже настолько достал, что я обернулась к нему с неприкрытой яростью:

— Чего тебе?

— Ну-у-у, леди Эджертон, — с неменьшей неприязнью произнес он, наклонившись к самому моему лицу. — Мне кажется, или ты меня всерьез не воспринимаешь?

— Мне вообще сложно воспринимать всерьез тех, кто играет чужими жизнями! — прошипела я.

— А зря. Потому что Эдриана на учения отправил я. И тебе крупно повезло, что он не увез тебя с собой, милая Электра.

Мне захотелось ему врезать. Прямо кулаки зачесались, но я вспомнила Кен Джу и усилием воли остановила себя в моменте.

— Как видишь, повезло, — сухо ответила я. — Что-то еще?

— Что еще? Ах, да, твое возвращение с ректором было эпичным. Как я понимаю, ты его любовница, и довольно давно?

Нимайская философия больше не помогала. Я с трудом усидела на месте: исключительно потому, чтобы не дать этому уроду еще один повод для шантажа — моя яростная реакция на Верреса могла быть истолкована им по-своему.

Какой же Хейдер мерзкий! С Эдрианом на одно лицо практически, несмотря на то, что внешность у них совершенно разная.

— Знаешь, мне кажется, тебе надо забыть старые обиды и подружиться с его высочеством, — холодно сказала я, глядя ему в лицо. — Методы у вас абсолютно одинаковые, а там, глядишь, и в гости друг к другу ходить начнете.

— Думай, что говоришь! — зарычал на меня этот ублюдок.

— А ты думай, что делаешь, — отбрила я. — Если твоя команда узнает о сотрудничестве с Эдрианом против меня, как думаешь, сколько секунд они останутся на твоей стороне?

— Ты мне угрожаешь? — прищурился он.

— Я тебя предупреждаю, — ответила я. — Это тебе лучше со мной дружить, Вермонт Хейдер, потому что я сбежала из королевского дворца, преодолела весь этот путь и до сих пор остаюсь в академии не потому, что ты там себе придумал, а потому что я — это я. Поверь, лучше не вставать у меня на пути, иначе танец ректора на стене тебе покажется детской шалостью.

Хейдер настолько опешил от того, что я ему сказала, что упустил момент, когда мог ответить. Я отвернулась, хотя все инстинкты кричали, что к этому типу лучше не поворачиваться спиной, но я уже была на пределе от всех свалившихся на меня за последнее время эмоций.

Еще одно слово, одна угроза, одна провокация с его стороны — и все это может плохо кончиться.

К счастью, на этом наш разговор и закончился: я услышала удаляющиеся шаги и вздохнула с облегчением. А после вернулась к тому, зачем пришла.

Библиотекарь не солгал: в книге действительно было очень мало информации, но я нашла главное. Подтверждение того, что отложилось у меня памяти. Если дракон встречает истинную, он чувствует это сразу. В нем просыпаются древние инстинкты: желание оберегать, защищать и хранить свою истинную, как величайшую драгоценность.

Так что если бы мы с Базилем были истинными, мы бы почувствовали это сразу, при первой встрече.

Это, а не желание покусать друг друга, когда он заявил, что «женщины полноценные, но хрупкие и не тянут мужскую физическую нагрузку». Интересно, что он по этому поводу думает сейчас?

Еще я обещала победить его в спарринге. На мгновение я представила, как было бы замечательно сбить с него спесь, но потом тут же передумала.

Н-не-ет. Нет, никаких спаррингов с Базилем Верресом, вообще никаких больше встреч с ним. Все исключительно в рамках академического процесса.

Моя неистинность немного меня успокоила, поэтому я неторопливо вернула книгу на место и пошла между стеллажей на выход. На ходу я едва касалась кончиками пальцев корешков тяжелых книг. На них осела едва заметная пыль, а под обложками прятались схемы сраже-

ний, чертежи фортов и тактические описания. Из узких окон, похожих на бойницы, уже протянулись первые рассветные лучи, и в их полосах лениво дрожали пылинки. Поразительно, но здесь, в этой звенящей тишине я словно перенеслась в свое прошлое, в прошлое леди Эджертон. У деда тоже была огромная библиотека, и этот запах, запах лакированного дерева и типографской краски на пальцах был словно возвращение к тем мгновениям, когда все было легко и просто.

Увы: просто уже не будет.

Никогда. Я больше никогда не буду леди Эджертон.

Я не кривила душой, когда сказала Верресу, что готова обучаться и дальше наравне с парнями и разделить их судьбу, какой бы она ни была.

Но может быть, оно и к лучшему.

Леди Эджертон была слабой и наивной, несмотря на все, чему ее учил Кен Джу.

«Маркиз Роуэлл» научился за себя постоять во всех смыслах. И сдаваться я точно не собиралась.

Вот только весь мой боевой настрой обернулся яростью, когда меня у моей комнаты встретил Корри и заявил, что я должна (он сказал должен, но сути это не меняло) срочно, немедленно собирать вещи.

Чтобы переехать к ректору.

7

Базиль Веррес

«Надо серьезно поговорить».

Ректор очень долго крутил в руках артефакт-свиток, изобретение своего младшего брата, Вертейда, талантливого артефактора и истинного девушки, которую Базиль когда-то считал своей истинной.

Чувства к Золотку и невозможность быть с ней стало одной из причин, что побудили Базиля согласиться на должность ректора Адансхейла. Тогда, почти год назад, ему казалось, что он не сможет наблюдать за счастьем брата и Айрис. Его преследовало разочарование, когда девушка, которую он был готов назвать своей, выбрала другого, да еще и его ближайшего родственника (с соперником из других родов Базиль еще мог как-то справиться, но Вертейд был его любимым братом).

Сегодня, когда он задумался о том, чтобы написать Верту, внезапно осознал, что с тех пор, как в Адансхейле появилась Электра, о Золотке он практически не вспоминал. Словно недостижимый идеал Айрис перестал для него существовать: мысли о ней сменились на мысли о дерзкой сумасбродной девчонке, изображающей маркиза!

Базиль ее хотел. Но это желание давно вышло за рамки вожделения. Он хотел, чтобы она была рядом. Постоянно. Хотя бы потому, что Эджертон постоянно влипала в какие-то неприятности!

Хотел оберегать и защищать ее.

Готов был за нее порвать любого, даже если это будет принц!

Никогда и ни с кем он ничего подобного не испытывал, эту бурю эмоций, которые в нем вызывала Электра.

Это все безумно напоминало истинность.

Но однажды он уже ошибся со своим вердиктом. Базиль верил, что его истинная Айрис, и жестоко обманулся, когда они с братьями избавились от бремени проклятия.

Поэтому на этот раз он не спешил с выводами и решил выяснить все на трезвую голову. По крайней мере, относительно трезвую, потому что стоило ему снова вспомнить эту занозу, как его холодность и рассудительность отступили на задний план. Хотя, возможно, дело было в том, что Базиль был самым вспыльчивым из братьев. Это старший Веррес обладал чувствительностью айсберга, а младший непробиваемым, практически нимайским спокойствием. Базилю же достался взрывной характер и неугомонность.

Он где-то слышал, что идеальные пары похожи друг на друга. Если это так, то у них с Эджертон может все получиться.

Если они не поубивают друг друга прежде, чем научатся жить в мире и согласии.

«Ты прибил кого-то из своих курсантов?» — появился рукописный ответ на бумаге.

Свиток был тайным изобретением Вертейда: он называл его мгновенными письмами, и артефакт позволял переписываться на больших расстояниях с тем, у кого был такой же.

Верт вручил его Базилю в конце прошлого лета, перед отлетом в Адансхейл:

— Зная тебя, бывать в столице ты будешь нечасто, а письма на Север идут и того дольше! Если захочешь со мной связаться, просто напиши, и будет надеяться, что он сработает нормально.

— Что значит «будем надеяться»? — подозрительно поинтересовался Базиль.

— Артефакт пока экспериментальный, — пожал плечами младший брат. — Я не испытывал его на больших расстояниях, и в принципе он нуждается в тестировании. Как раз ты мне в этом поможешь!

— Базиль, бери артефакт и проваливай на поиски лучшей жизни, — посоветовал их старший брат, Адарен. — И надейся, что он не сработает, потому что так ты будешь действительно свободен от своей безумной семейки.

Было сложно сказать, шутит Адарен, или нет. Базиль ставил на второе, потому что у Верреса-старшего чувство юмора всегда хромало на все драконьи лапы.

Артефактом он пользовался всего трижды. Когда прилетел в Адансхейл, потому что обещал Айрис рассказать, как доберется. Перед зимними праздниками, чтобы поздравить семью. И сегодня.

Ему нужно было экспертное мнение того, кто встретил свою истинную. Единственного, кто встретил свою истинную впервые за пятьсот лет.

«Нет, — написал Базиль на свитке, на котором яркими буквами сияла их переписка с Вертейдом. — Все живы».

Артефакт работал быстро, и ответ брата пришел практически сразу:

«Тогда я заинтригован».

Ректор Адансхейла, которого боялись и уважали все курсанты, на которого возлагала свои надежды королевская семья, нахмурился, потому что понял, что ему сложно подобрать слова в таком деликатном вопросе, как чувства и отношения. Особенно любовные отношения.

Кто бы мог подумать, что он, Базиль Веррес, не сможет сладить с женщиной? Поправочка — с одной конкретной женщиной. Но сути это не меняло. Или меня совершенно все?

В общем, впервые за долгое время он не находил слов, чтобы объяснить то, что с ним происходит.

«Хочу узнать, как ты понял, что Айрис — твоя истинная? Что ты почувствовал, когда ее встретил?»

«Зачем тебе это? Ты умудрился в мужской военной академии встретить любовь всей своей жизни?»

Базиль закатил глаза. Ну вот что Верту стоит просто ответить, а не допрашивать его?

«Не смешно. Просто ответь».

К счастью, истинным Золотко оказался Вертейд, а не Адарен, Веррес-старший точно с него бы не слез, пока не добился правды.

«Я сразу понял, что она — единственная. Мне хотелось ее защищать ото всего мира, — пришел ответ, а следом на свитке начали появляться новые слова: — Ее счастье стало для меня важнее моего собственного. Во мне проснулись собственнические инстинкты. Несмотря на то, что я привык делить дом, интересы, даже дракона с вами, Айрис мне хотелось забрать себе. Но при этом мне было чертовски важно, чтобы она выбрала меня сама».

Базиль грустно улыбнулся. Любовь Вертейда, его обожание Золотка сквозило в каждой строчке.

«Она тебя когда-нибудь раздражала?»

«Когда рисковала собой, — признался брат. — Но если ты о том, что у нас все идеально, то мы все время спорим по поводу магартефакторики и так и не пришли к единому мнению, куда полететь после свадьбы».

«Неидеально? Звучит, как идеально. Вы с Айрис до безобразия слащавая парочка!»

«Не завидуй, у тебя тоже так однажды будет! Или уже?»

«Всевышний меня упаси!» — ушел от прямого ответа Базиль.

«Если тебе интересно мое мнение, — добавил Верт, — то я думаю, что истинность для каждого раскрывается по-своему. В зависимости от темперамента и личных заморочек».

«Но это сразу становится понятно?»

«Я не знаю. Я понял все, когда впервые встретил Айрис. Может, тебе обернуться драконом, если сомневаешься? Зверь сразу поймет».

Базиль задумчиво покрутил в руках перо, которое тоже прилагалось к артефакту. Он уже превращался в дракона, но не почувствовал разницы. Да, ему хотелось защищать Электру. Хотелось ее присвоить и просто хотелось. Но все эти чувства будто бы возникли позже, со временем. В самом начале их знакомства она вызывала в нем исключительно раздражение своей непохожестью на тех женщин, которых он знал.

Но разве что-то изменилось? Электра осталась такой же дерзкой и своенравной. Изменилось разве что его отношение к этому: на смену раздражению пришло восхищение ее смелостью и стойкостью.

Базиль словно получше ее рассмотрел.

«Хочешь еще мысль вдогонку? — появились строки на полотне артефакта. — Мне кажется, что дело не в истинности, а в чувствах. Даже истинные отношения требуют работы над ними, а любые отношения могут стать практически истинными, если вы подходите друг другу».

«Не подходим», — подумал Базиль.

Они с Электрой совершенно не подходят друг другу. Стоит им столкнуться, как каждый из них сразу принимает боевую стойку.

Но и отказаться от того, чтобы она была рядом, была с ним, нет никаких сил и возможностей.

Базиль скорее сдохнет, чем будет жить без нее.

Возможно, это не истинная связь, но то, что он испытывает к ней, совершенно точно не равнодушие.

«Спасибо за лекцию по истинности. Было занимательно».

«Если встретишь истинную, дай знать», — написал Вертейд.

Базиль свернул артефакт-свиток и прикрыл глаза. Разговор с братом ни разу не помог разобраться во всей этой истории с истинными, да и плевать!

Завтра Электра переедет к нему, и он сделает все, чтобы… Как там писал Вертейд?

Чтобы она сама выбрала его.

Базиль же сделает все, чтобы так и случилось. В конце концов, он совершенно точно разбирается в женщинах.

8

Электра Эджертон

— Я никуда не пойду, — ответила я. — В смысле, не буду переезжать.

— Я не могу сказать такое ректору! — ужаснулся секретарь.

— Так напишите! Нарисуйте, знаками объясните. Делайте, что хотите.

— Курсант Роуэлл, пожалуйста! — Корри умоляюще посмотрел на меня. — Он меня уволит. Он и так не в духе последние…

Секретарь осекся и добавил:

— В последнее время. А мне нужна эта работа! У меня мать больная и младший брат.

Я вздохнула. Ну вот и как быть в такой ситуации?

— Хорошо. Я сам с ним поговорю.

— С вещами? — с надеждой уточнил секретарь.

— Без! — отрезала я. И взглядом дала понять, что это мое последнее предложение.

Корри тяжко вздохнул и указал в сторону ректорского кабинета. В смысле, ректорский кабинет находился достаточно далеко, но я все равно хорошо знала это направление. А лучше бы не знала его вовсе! Но, Электра, выдыхаем, Всевышний миловал, и это не истинность. Со всем остальным я справлюсь, легко. Даже если это ректор Адансхейла. Особенно — если это ректор Адансхейла!

С таким настроением я и вошла к нему в кабинет.

— Что за… — начала было я, но ректор приложил палец к губам. Обошел меня, закрыл дверь на ключ, еще и артефакт, блокирующий звуки, снова активировал.

— Если вы будете продолжать в том же духе, курсанты заподозрят вас в том, что вы неровно дышите к маркизу Роуэллу, — хмыкнула я, сложив руки на груди. — Сначала устраиваете ему неприятности, потом носите на руках, потом запираетесь с ним в кабинете и заглушаете звуки.

— Между тем как курсант Роуэлл — Электра Эджертон, — ректор и бровью не повел, остановившись в двух шагах от меня. Чем здорово меня нервировал. — И что плохого в том, что я неровно к вам дышу?

От такого я просто открыла рот. Потом закрыла. Потом открыла снова, но у меня не находилось слов. Я всегда подозревала, что Базиль Веррес в быту совершенно невыносим, но точно не ожидала, что это коснется меня. Потому что нас с ним ничего не связывало, не должно было связать. Невозможный! Совершенно невыносимый мужчина!

— Плохого в этом то, что мы находимся в Адансхейле…

— Поэтому я и решил поселить вас поближе к себе. Чтобы вы поменьше влипали в неприятности.

Это вы называете поменьше?! Да если я в вас влипну, это будет одна из главных неприятностей моей жизни.

Бр-р-р-р! Нет, даже думать такое не хочу!

— Это мои неприятности, вас они не касаются.

— Увы, но теперь касаются.

— С какой это радости?

— С такой, что я решил взять вас под свое крыло.

— А если я под ваше крыло не хочу?

— Боюсь, у вас нет выбора. Либо вы станете моим личным адъютантом, либо…

— Либо? — Я приподняла брови. — Что? Отчислите Реджи? Вы никогда такого не сделаете. Да, вы конечно тот еще… дракон, но не самодур, и вам знакомо понятие чести.

— Я вот сейчас не понял, это был комплимент или оскорбление? — нахмурился ректор.

— Понимайте как хотите! Я остаюсь жить там, где жила. Мне не нужны никакие особые условия и уж тем более привлечение дополнительного внимания к моей персоне.

— И отдельная комната с личной ванной и гигиеническими принадлежностями вам не нужна? — вкрадчиво поинтересовался ректор.

Мне захотелось сказать что-нибудь неприличное! Потому что этот, с позволения сказать, дракон-искуситель… драконокуситель! — говорил о том, о чем я мечтала с самого первого дня, как сюда попала. Мне нравился Реджи, он оказался не таким вредным, как показался мне при первой встрече, и ребята из нашего отряда мне нравились, но как же временами не хватало возможности просто поваляться на кровати без этих проклятых бинтов, от которых то дышать становилось нечем, то грудь болела. Я уже не говорю об ухищрениях во время регулов, к которым приходилось прибегать, и прочим неудобствам.

— Подумайте сами, Электра. Вам так будет удобнее, — заявил он с теми же урчащими интонациями.

Урчащий дракон — это в принципе особое зрелище, а урчащий ректор-дракон — особенно. Но где-то здесь заключалась ловушка. Ловушка, что мне придется проводить много времени рядом с ректором, а я этого не хочу!

— Кроме того, мой адъютант освобождается от утренних построений и тяжелых физических нагрузок. И от любых занятий, когда он будет мне нужен, — вкрадчиво сообщил Веррес. — Так что?

Я представила, как это могло бы быть. Личная комната. Возможность встречать с Кен Джу, когда захочу. Возможность не испытывать на себе дурное настроение Виллинса, в которое тот впадал с периодичностью пару раз в неделю и гонял всех на построениях. Не так, как на следующее утро после моего прибытия, но все-таки. Возможность откосить от скучных лекций, не падать лицом в подушку после суровых упражнений на полигоне, но…

— Мой ответ все равно нет! — сказала я, искренне надеясь, что это прозвучало так же уверенно, как и в моих мыслях.

— Почему?! — изумился ректор.

— Потому что вы делаете это для себя. И я прекрасно понимаю, ради чего.

Мне очень хотелось бы быть наивной и верить в то, что Базиль Веррес помогает мне просто по доброте душевной, но я прекрасно видела, что он от меня хочет. Да он этого и не скрывает, в общем-то, его слова про неровно дышу — прямое тому подтверждение.

— А я не хочу, чтобы моими чувствами играли, и становиться вашей любовницей тоже не собираюсь! — закончила я. — Поэтому откройте эту дверь, и закончим этот разговор. Навсегда.

Кажется, если в начале нашего разговора его прямота шокировала меня, то теперь произошло все ровно наоборот. Ректор как будто пытался подобрать слова, но не мог.

— С чего вы взяли, что я собирался играть вашими чувствами?! — выдохнул он, наконец.

— С чего?! Вы же Базиль Веррес!

— А вот это сейчас было обидно.

Я испытала укол совести, но он был недолгим. Как будто я неправа: в разговорах друзей Эдриана Веррес часто фигурировал как тот, кто ни единой юбки не пропускал. К сожалению, это была правда. Слухи о его поведении ходили и до того, как я стала невольной свидетельницей бесед этих уродов.

А даже если бы это было не так! Он смотрит на женщин, как на красивых кукол, а я не хочу быть куклой. Даже несмотря на то, что меня к нему тянет. Я почувствовала это сразу, как вошла в ректорский кабинет. Когда мы расходились на приличное расстояние, я могла думать о Базиле спокойно (относительно). Как только оказывалась рядом, во мне как будто срабатывал

какой-то переключатель, как в неисправном артефакте. И меня начинало невыносимо притягивать к дракону, хотелось обниматься и вдыхать его запах.

Нет уж! Одного шмеля на лугу в этом кабинете хватит с лихвой.

— Ничем не могу помочь, — пожала плечами я. — Ваша репутация идет впереди вас.

— У вас тоже есть определенная репутация.

Я замерла, а потом развернулась, не желая больше его видеть. Вообще! Никогда.

— Откройте эту чертову дверь!

— Электра, я не это хотел сказать…

— Да мне плевать! Просто откройте!

Мне хотелось убежать из этого кабинета так далеко, как это вообще возможно. Эдриан не раз и не два называл меня… да как он только меня не называл. Мне кажется, не осталось ни одного унизительного эпитета, которым меня бы не наградили, но почему-то на это мне было действительно наплевать. А сейчас получилось неожиданно остро.

И больно.

— Если я пообещаю никогда вас не касаться и больше не целовать, вы согласитесь на должность адъютанта?

Это прозвучало неожиданно. Я почувствовала, хотя скорее будет сказать, уловила движение совсем рядом. Тем не менее Базиль Веррес и правда меня не коснулся, больше того, он действительно подошел к двери и отпер ее, как я и просила.

Теперь меня здесь ничего не удерживало.

Ничего, кроме странного чувства, которому я пока никак не могла дать определение.

Может быть, я просто устала, устала бороться со всем миром, включая себя.

— Хорошо, — сказала я и вышла. По крайней мере, попыталась.

Дверь щелкнула, закрывшись обратно, как только я ее открыла. От потока магии.

— Я правда не хотел вас обидеть, — произнес ректор, вглядываясь в мое лицо.

Которое я уже настолько привыкла держать, что меня можно было на тренировочные допросы отправлять, по нему все равно ничего бы не прочитали.

— Но вы сказали правду, — пожала плечами я. — А на правду не обижаются.

Еще бы это работало в реальной жизни.

— Нет, я сказал жестокие слова, потому что вы сказали то, что сказали… Проклятье! — Дракон посмотрел на меня. — Я не считаю, что репутация вашего деда имеет к вам какое-то отношение, и я не должен был так говорить. Это было низко, и я прошу прощения.

Репутация моего деда?

Почему-то сейчас я почувствовала себя очень глупо. Хорошо хоть не спросила, при чем тут мой дед, а то ситуация стала бы еще более патовой. Почему-то я была уверена, что Веррес говорит про Эдриана и про то, что тот со мной делал. Но, видимо, рядом с ним я и правда теряю разум.

Я хотела сбежать от этого, оказаться от Верреса как можно дальше, но правда в том, что мне не надо от него бежать. Правда в том, что мне надо оказаться как можно ближе к нему, чтобы избавиться от искушения, и я сделаю это.

И справлюсь.

Как всегда.

— Вы скажете что-то, Электра? — Базиль посмотрел мне в глаза.

— Извинения приняты, — ответила я. — Пойду собирать вещи.

И вышла быстрее, чем он успел сказать что-то еще.

9

Если у меня и были предположения, что ректор просто придумал мою должность, чтобы держать меня рядом с собой, то они очень быстро развеялись, когда я переехала в свою новую комнату. По размеру она была меньше той, что мы с Реджи делили на двоих, и отличалась такой же аскетичной обстановкой, но находилась рядом с ректорским кабинетом.

Здесь были кровать, комод и стул, и, судя по слою пыли, которую мне предстояло устранить, мебель появилась в комнате задолго до того, как Базиль Веррес решил взять меня на должность своего адьютанта.

Показавший мне мое новое жилье Корри, объяснил:

— Господин ректор отказался от выбора адъютанта в начале учебного года. Сказал: зачем ему адъютант, если у него уже есть секретарь? К тому же, не хотел никого выделять.

«Не хотел, так я сама выделилась», — мрачно подумала я.

Впрочем, моей мрачности надолго не хватило. Стоило Корри закрыть за собой дверь, я скинула вещи на узкую, стоящую возле окна кровать и бросилась в ванную.

Зажгла свет и застыла на пороге, рассматривая собственную мечту нескольких месяцев. Не такая огромная, как у ректора, или тем более как в королевском дворце, но Веррес не солгал: ванная была моей личной. С раковиной, потертым зеркалом и шкафчиками. И в ней была настоящая ванна!

У меня даже кожа принялась зудеть от нетерпения — так захотелось заполнить ее горячей водой и погрузиться в блаженство.

В этот момент я поняла и приняла, что, возможно, наша сделка с Верресом того стоит.

Определенно стоит.

Если бы не необходимость присутствовать на занятиях, я бы залезла в горячую ванну и не вылезала из нее весь день, но злоупотреблять своей новой должностью я не собиралась.

Впрочем, новость о моем назначении, кажется, успела облететь весь Адансхейл. И почему считается, что самые страшные сплетницы — это женщины? Здесь я успела убедиться, что мужчины нас в этом явно переплюнули.

— Роуэлл, ты теперь сменил покровителя? — рассмеялся мне в лицо дракон со старшего курса, когда я спешила по коридору на занятия. — Был невестой для принца, стал невестой для ректора!

Электру Эджертон, прибывшую в Адансхейл несколько месяцев назад такие слова напугали бы или разозлили, но, несмотря на слова Верреса или даже Хейдера, я давно перестала быть леди. Время, проведенное в военной академии, сделало меня жестче, научило разговаривать с мужчинами на их языке, особенно с другими курсантами. Оно превратило меня в того маркиза Роуэлла, которым никогда не был оригинал.

— А что? — лениво ответила я. — Завидуешь?.. Как тебя там?

Дракон изменился в лице: наглая ухмылка превратилась в оскал.

— Годар.

— Да без разницы, — я пожала плечами. — Твое имя все равно никто не запомнит, а вот я здесь теперь знаменитость. Запомни это, и в следующий раз будь повежливее с адъютантом самого ректора.

Я обошла обалдевшего курсанта и в приподнятом настроении продолжила свой путь.

Когда я только приехала сюда, очень надеялась, что у меня получится затеряться в толпе. Что рано или поздно обо мне забудут. Но оказалось, что мои попытки стать безликим курсантом лишь обернулись большей славой.

Так, может, ну их? Чтобы что-то хорошо спрятать, нужно положить это на самое видное место. Почему бы этому трюку не сработать в мою пользу? В конце концов, быть адъютантом ректора как минимум престижно.

И, что самое интересное, я смогла убедиться в этом буквально на следующем занятии. Очевидно, что весь педагогический состав предупредили о моей новой роли, поэтому ко мне перестали цепляться, терпеливо отвечали на вопросы, и учиться стало значительно легче.

Какую переменную я в этом уравнении не учла, так это реакцию своих друзей.

Новость о моем назначении, естественно, дошла и до моего отряда. Поэтому на первом же совместном занятии я то и дело ловила на себе взгляды парней, которые они тут же прятали.

А в коротком перерыве, который давался нам на то, чтобы перейти из одной аудитории в другую, меня вообще не стали ждать: они просто встали и ушли.

Следующая перемена была большой, на обед, поэтому, схватив поднос, я пристроилась за Реджи в длинную очередь за раздачей еды.

— Привет, — привлекла я его внимание, хотя друг усиленно делал вид, что вообще меня не знает.

— А ты почему здесь? — сухо поинтересовался он.

— В смысле? — опешила я. — Ты подумал, что меня отчислили?

— Что еще я мог подумать, когда вернулся с учений и не нашел твоих вещей?

Я видела, что Реджи хотел выглядеть как можно более безразличным, но у него получалось плохо: я успела хорошо его изучить. Поднос грозил треснуть в руках парня, а еще Пемброк рассматривал его так внимательно, словно царапины на металлической поверхности имели художественную ценность. Сразу становилось понятно, что Реджи злится.

— Прости, я не успел тебе рассказать… — начала я, но друг меня перебил:

— О чем именно? О том, что у вас с ректором особые отношения?

Это что за намеки такие?! Будь я леди, дала бы ему по морде!

— Нет у меня никаких отношений с ректором, — прошипела я, оглянувшись на курсантов в очереди позади меня. Те тут же сделали вид, что изучают выбор салатов, а не пытаются греть уши. — И ты знаешь это лучше кого-либо.

— Да я вообще о тебе ничего не знаю, Роуэлл, — зло хмыкнул Реджи. — То ты заявляешь, что тебя ненавидит ректор, то он уносит тебя с полигона, а затем назначает своим адъютантом. За какие такие заслуги? Чем ты лучше любого в Адансхейле?

Я вытаращила глаза на друга.

— Ты мне… завидуешь?

Реджи сверкнул глазами и отвернулся от меня.

— Было бы чему, Роуэлл. Ты теперь на побегушках у ректора. Наверное, как и хотел.

А вот это было больно. Потому что несмотря на то, что у меня сейчас была собственная ванная, я бы с удовольствием не переезжала от Реджи. Я успела к нему привыкнуть.

— Пемброк, не веди себя как задница! — тяжело вздохнула я. — Это совершенно не то, чего я хотел, и ты… Ты мой друг.

Реджи наконец-то посмотрел на меня. Нормально посмотрел. И мне на секундочку показалось, что он готов к нормальному разговору, а не к обмену колкостями. Но в следующий миг перед нами материализовался запыхавшийся Корри.

— Ты что здесь делаешь, Роуэлл? — не поинтересовался, а потребовал он. — Ректор ждет тебя в своем кабинете на обед.

Реджи изменился в лице.

— Иди, невеста для ректора, — хмыкнул Пемброк, — не заставляй его ждать!

Он демонстративно проигнорировал компот на раздаче, который всегда брал для меня, подхватил свой поднос и направился к столику, за которым уже разместился весь наш отряд. А мне захотелось собственным пустым подносом настучать по секретарской голове.

Хотя лучше по ректорской! Вот кто истинный виновник нашей ссоры с Реджи!

Очевидно, взгляд у меня стал зверским, потому что Корри нервно оттянул ворот кителя:

— Что? Адъютант всегда обедает вместе с ректором. Они обсуждают предстоящие дела.

Я бросила взгляд на стол с друзьями, вручила Корри пустой поднос и зашагала в сторону административного крыла.

Все мое хорошее настроение от обретения собственной комнаты с личной ванной окончательно улетучилось.

10

— Зачем вы это делаете? — с порога поинтересовалась я.

— Делаю что?

Справедливости ради, стол в ректорском кабинете был накрыт по походному, и это немного смягчило мой гнев, который кипел во мне по пути сюда.

— Противопоставляете меня парням. Моим друзьям. — Я указала на дверь за своей спиной. — Роуэлл должен обедать и ужинать с остальными.

И завтракать тоже.

Веррес вздохнул, как будто ему было крайне тяжело — вопрос только в том, почему, после чего кивнул на дверь.

— Сами закроете?

Я с тоской посмотрела на ключ. Как будто у меня был выбор.

Тем более тишина, воцарившаяся на мгновение после активации артефакта, как бы намекала, что надо сделать это побыстрее.

Я заперла дверь, приблизилась к столу и села в кресло. Справедливости ради, Веррес не побежал мне его отодвигать — потому что если бы он так сделал или попробовал бы расставить по столу свечи, нашему соглашению пришел бы конец. Сразу же.

— Леди не пристало ужинать с парнями, — заметил он, как ни в чем не бывало, расстилая салфетку на коленях. — Как и обедать.

— А вы, простите, кто?

Веррес подвис. После чего выдал:

— Я — мужчина.

— То есть, следуя вашей логике, с парнями нельзя, а с мужчинами можно?

— Я аристократ.

— Пемброк тоже аристократ, — напомнила я. — Их здесь много…

— Дался вам этот Пемброк! — почти зарычал Веррес, но потом все-таки смягчился. — Адъютант не может быть на равных условиях с остальными. Продолжая наш разговор о парнях и мужчинах, они здесь все курсанты. Они иногда становятся неуправляемыми, и это опасно.

Я заморгала.

— То есть раньше опасно мне не было?

— Раньше я вас ненавидел.

— Значит, участь тех, кого вы ненавидите, ждет незавидная, — парировала я и, прежде чем ректор успел ответить, добавила: — Не переживайте, я вас тоже. И моим врагам тоже не позавидуешь.

После чего расстелила салфетку на коленях и как ни в чем не бывало принялась за еду. Опешивший от такого поворота ректор какое-то время молчал, а потом все-таки произнес:

— Никак не привыкну к вашей манере общения.

— Привыкайте. Я теперь ваш адъютант, и, напомню, — я указала на него вилкой. — Вы сами этого захотели.

— Да уж, — с легким смешком отозвался Веррес, после чего тоже принялся за еду.

Какое-то время мы ели молча, но потом я заговорила. Первой.

— О чем вы хотели поговорить?

— Поговорить?

— Корри сказал, что мы с вами будем обсуждать дела.

— Ах, да. — Ректор как будто вспомнил что-то важное. — Вы будете заниматься кое-какими текущими делами, вести служебную переписку — ту часть, которая касается военного дела, сопровождать меня в поездках и передавать мои поручения декану Виллинсу.

— Разве этим не занимается Корри?

— Корри будет рад скинуть часть работы на кого-то еще.

— Только не уменьшайте ему жалованье. Я вообще могу без жалованья работать. Оно ему нужнее.

Ректор посмотрел на меня в упор.

— Вы готовы отказаться от жалованья ради этого парня?

— У него сложная ситуация в семье.

— А у вас нет?

— У меня есть все, что мне нужно. Еда, кров и Кен Джу в безопасности. Большего мне не надо.

Я не кривила душой. Поначалу, когда я только приехала в Адансхейл, мне казалось, что жить в одной комнате с кем-то еще — это кошмар, что матрас слишком жесткий, подушка слишком неудобная, а общая ванная комната — так это вообще кошмар. Но гораздо большим кошмаром было зависеть от того, кто посадил тебя в золотую клетку и дергал за ниточки так, как ему заблагорассудится. Да и не такой уж жесткий был этот матрас, а с подушкой мы вообще подружились. Как и с Пемброком, и с другими парнями, и я бы хотела, чтобы это так и осталось.

Вынырнув из собственных мыслей, я обнаружила, что ректор все еще пристально на меня смотрит. Как будто изучает или как будто… я перепачкалась! Почему-то эта мысль показалась мне гораздо более ужасной, чем что-либо, а зеркал здесь не было. Я судорожно дернула салфетку с колен, приложила ее к губам, и, не обнаружив никакого намека на жирный след, воззрилась на ректора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.